
РАКУРСЫ

С.Т. ЗОЛЯН*

СЛОВО И ДЕЛО: ПЕРФОРМАТИВЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ И ДИСКУРСАХ¹

Аннотация. Теория перформативов Дж.Л. Остина стала одной из важнейших тем как для философии языка, так и для теоретической лингвистики второй половины XX в. После систематизации, которую проделал Джон Сёрль, теория речевых актов и перформативов приобрела гораздо более строгую форму с точки зрения своего лингвистического оформления, но за счет игнорирования ряда экстралингвистических факторов, определяющих коммуникативное поведение. Имеет смысл предложить альтернативное прочтение работы Остина, чтобы выделить все те разъяснения и оговорки, которые остались за пределами интерпретации Сёрля. Такое прочтение *Лекций* и краткого изложения этих оговорок позволяет построить другую версию, где положения, рассмотренные, но не разработанные Остином, могут стать ее краеугольными камнями. Вместо того, чтобы пурифицировать теорию, можно дополнить ее путем включения явлений, которые Остин рассматривал как «нечистые», «непрямые» и «паразитические».

Эти аспекты стали особенно заметными применительно к описанию политических и социальных практик. Стандартная теория перформативов описывает некоторые специально выделяемые «выхолощенные» ситуации (например речевой этикет или формулы вежливости и т.д.), но при этом она оказалась малоэффективной за пределами описаний стандартных ситуаций. Другим направлением стало акцентирование аспектов, которые могли бы превратить теорию перформа-

* **Зоян Сурен Тигранович**, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия), e-mail: surenzolyan@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет проекта РНФ № 22-18-00591 «Прагматика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград, Россия).

© Зоян С.Т., 2023

DOI: 10.31249/poln/2023.03.05

тивов в теорию социального действия (Деррида, Бурдье, Батлер). В последнее десятилетие появился ряд концепций, в которых рассматривается возможность перехода от речевого акта к действию и ситуации (Сбиса, Тернер, Мей, Капоне, Ильин). Учитывая эти исследования, мы также предлагаем дополнить теорию перформативов понятием смысла и осмысленного действия. Это обеспечит конвертируемость вербальных и невербальных механизмов и соотносимость различных модусов коммуникации и социального взаимодействия.

Ключевые слова: перформативы; Дж. Остин; речевые акты; политический дискурс; контекст; гибридная семантика.

Для цитирования: Золян С.Т. Слово и дело: перформативы в политических практиках и дискурсах // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 98–131. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.05>

Если язык следует считать особым рода *знанием*, то он
вместе с тем может представляться, с одной стороны, *действием, делом*,
с другой – *вещью, предметом* внешнего мира.
Бодуэн де Куртене

Язык как слово и дело

Человеческая деятельность основана на постоянном порождении, циркуляции и трансформации ценностей и смыслов. Как правило, это описывается как коммуникация в широком смысле. При этом очевидно, что политические действия и процессы предполагают особый модус коммуникации, т.е. особый режим подобных операций со смыслами. В основе политики лежит целенаправленная и целеполагающая социальная деятельность, ориентированная на реализацию определенных программ. Это придает политическую значимость и, следовательно, смысл индивидуальным и коллективным действиям. Напротив, коммуникативные неудачи или недостаточная смысловая обусловленность обрекают политическое действие, по крайней мере, на неэффективность. Поэтому содержательная политика предполагает в то же время и семиозис – это, с одной стороны, процесс порождения символов и смыслов, а с другой – взаимодействие различных агентов, предполагающее эффективное использование различных семиотических систем и способов коммуникации и интерпретации. Политике органично соответствуют такие речевые акты (*speech acts*) как перформативы, где высказывание и действие слиты воедино.

Именно на эту взаимообусловленность слова и поступка ориентировался при создании своей теории Джон Остин: «Это название, конечно, производно от “perform” (представлять, осуществлять, исполнять) – обычного глагола в сочетании с существительным “действие” (action): оно указывает на то, что произнесение высказывания означает совершение действия, и данном случае неверно думать, что имеет место простое произнесение слов» [Остин, 1999, с. 17].

Разумеется, перформативность характерна для всех типов вербального взаимодействия. Исходя из вышеприведенного широкого понимания, трудно найти случаи, когда бы эти аспекты не совпадали. Можно сослаться на идеи, высказанные ровно сто лет назад Брониславом Малиновским. Хотя он более известен как основоположник культурной антропологии, а не как лингвист, Малиновский внес существенный вклад в становление системной функциональной лингвистики и выросшей из нее социальной семиотики. Язык и языковое поведение рассматривались им как модулы социального взаимодействия, как согласования коллективных действий: «Язык в его примитивной функции следует рассматривать как способ действия, а не как отражение (countersign) мысли... Мы должны понимать, что язык изначально среди примитивных, нецивилизованных народов никогда не использовался как простое зеркало отраженной мысли. В своем примитивном использовании язык функционирует как звено в согласованной человеческой деятельности, как часть человеческого поведения. Это способ действия, а не инструмент мышления» [Malinowski, 1923, p. 296, 312].

Если отбросить явно устаревшую лексику о нецивилизованных народах и примитивных способах использования языка, то очевидно, что функцию – *как действовать словом* – Малиновский определил как доминантную функцию языка, хотя сама эта формула будет изобретена уже Остином. Между тем, будучи характерной для всех модусов употребления языка, она проявляется в них с различной интенсивностью. Так, если ввести некоторые дополнительные параметры, то перформативности может быть поставлена в соответствие именно политическая функция языка. Не вдаваясь в обсуждение различных точек зрения, приведем позицию Гарольда Лассуэлла:

«Существуют различные функции языка, в зависимости от намерения говорящего и достигаемого эффекта. Когда речь идет об оказании какого-либо воздействия на сферу власти, можно го-

ворить о политической функции языка. Когда мы говорим о политике как науке, мы имеем в виду науку о власти. Власть – это принятие решений. Решение – это санкционированный выбор, выбор, который влечет за собой серьезные последствия для того, кто осмелится ему противостоять» [Лассуэлл, 2006, с. 269].

Не случайно, что в качестве образцов проявления политической функции Лассуэлл приводит именно те, что спустя полтора десятилетия стали называть перформативными речевыми актами: «Следовательно, язык политики – это язык власти. Это язык решений. Он регистрирует решения и вносит в них поправки. Это боевой клич, вердикт и приговор, закон, постановление и норма, должностная присяга, спорные вопросы, комментарии и прения» [Лассуэлл, 2006, с. 269].

При этом перформативы не присутствуют в политике в чистом виде, а переплетаются с речевыми актами другого типа (нарративами и констативами). Поэтому для адекватного описания требуется найти не только линии разграничения между ними, но и точки взаимодействия. Между тем основная традиция развития теории Остина основана на противоположном – на стремлении отграничить перформативы от иных типов как действий, так и речевых актов. Это было логично и обоснованно, когда разграничение перформативов и констативов виделось как основная задача. Однако в результате Остин приходит к противоположному выводу: «Возможно, в действительности не существует такого уж большого различия между утверждениями и перформативными употреблениями» [Остин, 1999, с. 53].

В полной мере программа Остина оказалась им не реализована, во многом она свелась к классификации глаголов – в рукописях Остина остался 30-страничный список глаголов-перформативов [Sbisà, 2007]. Тем самым концепция Остина сведена скорее к той версии, которая была предложена Эмилем Бенвенистом – описание класса глаголов, названных им как делокутивные [Бенвенист, 1974]. При этом теория Остина получила иное продолжение: в настоящее время теория перформативов используется в том систематизированном виде, который она получила в версии Джона Сёрля – это классификация речевых актов, основанная в первую очередь на соотношении локутивной и иллокутивной силы высказывания. Сёрль сделал лингвистические критерии более строгими, оставив при этом вне рассмотрения те оговорки и вопросы, на которые

указал Остин. В первую очередь это связь перформативов с социальным контекстом и фреймами поведения. У Сёрля социальный контекст уступает место интенциям говорящего. Разумеется, подобная редукция может иметь методологическое основание – получить надежную первичную модель изолированных речевых актов. Однако это не исключает, а, напротив, предполагает дальнейшее развитие.

Имеет смысл внимательно перечитать самого Остина, а не воспроизводить в очередной раз интерпретацию Сёрля. Следует рассмотреть возможности и другого, интегрального подхода, благо об этом размышлял Остин, и в этом направлении уже сформировались интересные продолжения. Как отметил в свое время Давид Каплан, «Некоторые могли ошибочно считать, что язык не может исполнять, выражать и описывать одновременно» [Kaplan, 1999, p. 6]. Именно в возможности подобного взаимодействия нам видится адекватное описание семантики перформативов [Zolyan, 2021].

Как действовать посредством How to Do Things With Words

Публикация лекций Остина стала одним из ключевых событий как для философии языка, так и для теоретической лингвистики. Невозможно дать даже приблизительный обзор различных их интерпретаций за прошедшие 50 лет. Поэтому, не входя в обсуждение этой явно невыполнимой задачи, попытаемся прочесть оригинал, поскольку у Остина нетрудно увидеть те проблемы, которые возникают, когда от искусственных примеров требуется перейти к описанию реальных перформативных практик.

Уже само заглавие указывает на то, что замысел Остина был шире простого описания сферы действия сотни глаголов – Остин ставит задачу объяснить то, как люди действуют посредством речи. То, что он выделяет особый класс глаголов, специализированных на выполнении перформативной функции, вовсе не свидетельствует о том, что Остин игнорировал остальные лексические классы (см. ниже). Остин отчетливо осознавал, что перформативность может быть выражена не только лексически, но и посредством различных жестов (например, угрожающих или ободряющих – они вполне могут быть рассмотрены как эквиваленты речевых актов). Другое

дело, что на первом этапе требовалось выделить наиболее характерные формы проявления перформативности. Нетрудно убедиться, что Остин ясно видел – перформативы как отдельное явление могут быть выделены только в абстракции от реального взаимодействия различных языковых функций. После систематизации, произведенной Джоном Сёрлем, теория речевых актов и перформативов приобрела куда более строгий вид с точки зрения ее лингвистического оформления, но за счет игнорирования ряда определяющих коммуникативное поведение внелингвистических факторов.

Имеет смысл предложить альтернативное прочтение труда Остина, основанное не на желании дать некую отличающуюся от принятых трактовку классического труда (что само по себе никак не предосудительно), а, напротив, вернуться к замечаниям самого Остина и остановиться именно на тех уточнениях и оговорках, которые остались за границами интерпретации Сёрля.

1. Невозможность выделения перформативов, исходя из чисто лексических критериев:

«До тех пор, пока перформативное употребление не редуцировано к такой эксплицитной форме, остается регулярная возможность рассматривать его неперформативным способом: например “Это ваше” может быть рассмотрено “Я дарю вам это” или “Это (уже) принадлежит вам”. Фактически можно даже себе представить игру на перформативных и неперформативных употреблениях запрещающего объявления “Запрещается” (Вас предупредили)» [Остин, 1999, с. 64].

«Не существует ни одного абсолютного критерия подобного рода и что, весьма вероятно, вообще невозможно задать даже список возможных критериев; более того, они определенно не разграничивали бы перформативы и констативы, которые являются зачастую одним и тем же предложением, используемым в различных случаях как употребления обоих видов – и перформативов, и констативов. Дело казалось безнадежным, если бы мы продолжали подыскивать критерии к употреблениям в том виде, как они есть» [Остин, 1999, с. 64].

2. Необходимость учета *тотального речевого акта* в контексте *тотальной речевой ситуации* (*total speech act in the total speech situation*):

«Мы должны рассмотреть ситуацию, в которой сделано употребление в целом – целостный речевой акт, – если мы хотим понять параллель между утверждениями и перформативными употреблениями и понять то, как и почему они могут не удаваться» [Остин, 1999, с. 53].

3. Необходимость учета социального контекста и связанных с речевым актом обстоятельств:

«В целом всегда необходимо, чтобы обстоятельства, при которых употребляются слова, были бы соответствующими, и обычно является необходимым также, чтобы говорящий и другие участники речевого акта тоже совершали определенные другие действия, будь то “физические” или “ментальные” действия или даже действия произнесения каких-то других слов. Таким образом, чтобы назвать корабль, существенно, чтобы я был человеком, который уполномочен сделать это; чтобы заключить брак (в христианской традиции), существенно, чтобы я в этот момент не был женат на живой, здоровой и не разведенной со мной женщине, и так далее; чтобы состоялся спор, необходимо, чтобы другая сторона приняла заклад (для этого человек должен что-то сделать, например, сказать: “Идет!”); и трудно, как вы понимаете, сделать подарок, произнеся слова “Я тебе дарю это” и не имея при этом ничего в руках» [Остин, 1999, с. 21].

4. Чтобы обеспечить «строгость» концепции, вводятся методологически довольно сомнительные конструкты, такие как «эксплицитные» и «чистые» перформативы, в отличие от «нечистых» и «половинчатых» – перформативов, которые выносятся за рамки рассмотрения. Так, разграничиваются: *эксплицитный перформатив* («приношу извинения»; «я против»; «я порицаю»; «я одобряю») и *эксплицитный нечистый перформатив*, или *полудескрипция* (Explicit Not Pure Performative (*half descriptive*)) – «извините»; «я осуждаю»; «мне нравится»), а также синонимичная перформативу *дескрипция* («я раскаиваюсь»; «я испытываю отвращение») [Остин, 1999, с. 72].

5. Вне рамок теории оказываются все те случаи косвенных речевых актов, которые не являются «полностью нормальными употреблениями». Не подлежат рассмотрению все те модусы использования языка, которые Остин называет (точнее, обзывает) «паразитическими» и «несерьезными»:

«Существует паразитическое использование языка, которое является “несерьезным”, не “полностью нормальным использованием”. Нормальные условия референции могут быть приостановлены, если не делаются ни попытки стандартного перлокутивного действия, ни попытки заставить вас сделать что-либо» [Остин, 1999, с. 91];

«Язык при таких обстоятельствах определенным образом употребляется несерьезно, в каком-то смысле паразитирует на нормальном употреблении. Все это мы исключаем из рассмотрения. Наши перформативные употребления, удачные или неудачные, должны быть поняты прежде всего как совершенные при нормальных обстоятельствах» [Остин, 1999, с. 31].

К подобным случаям, по Остину, следует отнести (и потому исключить из рассмотрения) все случаи непрямого использования языка: «Есть еще целый ряд вопросов о том, “как мы используем язык” или “что мы делаем, произнося какие-либо слова” (о чем мы уже говорили) и что это интуитивно кажется совершенно иной проблемой, которой мы не будем здесь касаться. Например, есть намеки (и другие небуквальные использования языка), шутки (и другие несерьезные использования языка), а также ругань и бахвальство (которые, вероятно, являются экспрессивным использованием языка)» [Остин, 1999, с. 104].

Аналогично отграничиваются от перформативов и невербальные ритуализованные формы выражения перформативов: «Ситуация в случае действий, которые являются нелингвистическими, но похожими на перформативные употребления в том, что они являются осуществлением конвенционального действия (в нашем случае – ритуального или церемониального), складывается примерно следующим образом: предположим, я, стоя перед вами, низко кланяюсь; при этом может быть неясным, выражаю ли я свое почтение вам, или, скажем, я наклонился, чтобы лучше разглядеть какое-то растение, или облегчаю себе процесс пищеварения» [Остин, 1999, с. 66].

Продемонстрированное здесь прочтение «Лекций» и синопсис подобных оговорок показывает возможность конструирования иной версии, где рассмотренные, но не развитые или отвергнутые Остином положения стали бы основой альтернативной интерпретации.

Перформативы – жизнь после Остина

Как понимать Остина: Сёрль, Деррида и Бурдьё

Указанные выше аспекты стали особенно заметны при приложении теории перформативов к описанию актуальных политических и социальных действий. Теория перформативов работала применительно к некоторым рафинированным ситуациям (например, описанию речевого этикета или формул вежливости / невежливости), но оказывалась малоприменимой за пределами описаний прецедентных ситуаций. Соответственно, дальнейшее развитие протекает в двух противоположных направлениях.

Первое – это внутреннее улучшение теории, удавшаяся попытка сделать ее более «чистой» и системной, чем предполагал Остин. Предметом ревизии и полемики стала тенденция к «пурификации».

Это было сделано Джоном Сёрлем, указавшим на следующие подлежащие ревизии пункты: «В целом, существует (по крайней мере) шесть взаимосвязанных трудностей с таксономией Остина, в порядке возрастания важности: существует постоянное смешение глаголов и актов, не все глаголы являются иллокутивными глаголами, слишком много пересечений между категориями, слишком много неоднородности внутри категорий, многие из глаголов, перечисленных в категориях, не удовлетворяют определению, данному для категории, и, самое главное, нет последовательного принципа классификации» [Searle, 1979, p. 12].

Как видим, объектом критики Сёрля является все то, что для Остина было подлежащими прояснению проблемами. В результате формируется то, что можно назвать стандартной теорией речевых актов, – собственно лингвистическая теория, работающая постольку, поскольку ограничивает себя рассмотрением единичных речевых актов в изоляции от социальных действий. Заметим, что в дальнейшем расширение теории речевых актов до социально значимых действий приведет Сёрля к необходимости введения в рассмотрение социальных конвенций и конститутивных правил [Searle, 1995, p. 54–55]¹.

¹ Ср.: «Только в более поздних работах Сёрля о философии общества [Searle, 1995] вопросы о власти вышли на передний план его анализа. Социаль-

Второе направление ревизии теории Остина оказалось куда менее влиятельным и не оставило в качестве результата целостной теории. Предметом полемики с Остином стала противоположная, чем предложенная Серлем, тенденция акцентировать все то, что могло бы трансформировать теорию перформативов в теорию социального действия. В центре внимания оказались случаи, которые Остин рассматривал как «нечистые», «непрямые» и «паразитические». Наиболее интересные решения были предложены французскими философами Жаком Деррида и Пьером Бурдьё.

Деррида (статья опубликована в 1972 г., ее английский перевод – в 1977 г.; цитируем по: [Derrida, 1988]) сосредоточил свою критику именно на том, что у самого Остина вызывало колебания – это искусственность процедур выделения «чистых» перформативов, в то время когда именно «нечистые» случаи являют примеры «удачных» перформативов: «Не является ли то, что Остин исключает в качестве аномалии, исключения, “не-серьезного”, цитации (на сцене, в поэме или в монологе), определенной модификацией общей цитатности – или, скорее, обобщенной итерабельности, без которой не было бы даже и “удачного” перформатива? Так что удачный перформатив обязательно оказывается “нечистым” перформативом, если воспользоваться выражением, которое Остин выдвинет дальше, когда он признает, что не бывает “чистого” перформатива» [Derrida, 1988, p. 17].

Деррида предлагает новые условия «успешности» – это цитатность и итерабельность перформативов, которые и обеспечивают адекватную интерпретируемость, и призваны дополнить фактор говорящего и его интенции: «Может ли перформативное высказывание быть удачным, если его формулировка не повторяет “кодированное” или итерабельное высказывание; другими словами, если та формула, которую я произношу, чтобы открыть заседание, спустить на воду судно или жениться, не идентифицируема как соответствующая итерабельной модели, если все же она не идентифицируема каким-то образом как “цитата”? Здесь цитатность другого типа, нежели в театральной пьесе, философской ссылке или чтении наизусть поэмы. Вот почему имеется относи-

ные институты, утверждает в них Сёрль, возникают потому, что люди могут налагать на индивидов или объекты так называемые статусные функции, включающие особые права и обязанности [Leezenberg, 2013, p. 294].

тельная специфичность, как говорит Остин, “относительная чистота” перформативов. Но эта относительная чистота выводится не вопреки цитатности или итерабельности, но вопреки другим видам итерации внутри всеобщей итерабельности, которая взламывает мнимую устойчивую чистоту любого события дискурса или всякого речевого акта. Следует не противопоставлять цитацию или итерацию не-итерации события, а построить дифференциальную типологию форм итерации, предполагая, что этот проект будет пригоден и сможет быть сменен исчерпывающей программой, – вот вопрос, который я здесь ставлю» [Derrida, 1988, p. 18].

К сожалению, критика Деррида концепции Остина сама явила пример перформативности и из философской полемики переросла в личные оскорбления. Попытку рассмотрения перформативов в иной плоскости, чем теория речевых актов и выявления интенций говорящего, была воспринята Сёрлем как свидетельство отсутствия должного образования и неспособности Деррида «правильно» понять Остина. Не менее резким был и ответ Деррида, посвятивший этому свою новую книгу [Derrida, 1988]. Между тем Деррида развивал именно то, что вызывало колебания Остина и что предпочел не замечать Сёрль: это вопрос о «чистом» и «паразитическом» использовании перформативов.

Указывая на цитатность и итеративность перформативов, Деррида проблематизировал то, что для Остина является центральной характеристикой перформативного употребления – концепт первого лица. С иных позиций это же понятие делает предметом полемики и Бурдьё. Бурдьё оспаривает возможность того, что он называет *перформативной магией*¹. Соответственно, бессмысленными оказываются попытки найти источник перформативной силы в лингвистических характеристиках самого высказывания, в том числе и в таких его грамматических маркерах, как первое лицо и индикатив. Язык не обладает подобной властью – он ее манифестирует: «Остин считает, что нашел в самом дискурсе – в специфически лингвистической субстанции речи, – ключ к эффективности речи. Пытаясь понять силу языковых проявлений лингвистически,

¹ Уже позднее Сёрль [Searle, 1995 ; 2008], напротив, посвятит особый раздел рассмотрению «социальной магии» – реальности, создаваемой посредством декларативов. Это особый тип перформативов, таких как объявление войны, провозглашение независимости, дарственная и т.п., когда посредством их произнесения в мире происходит изменение состояния дел.

рассматривая язык в качестве принципа, лежащего в основе логики и эффективности языка институтов, забывают, что полномочия (*authority*) приходит к языку извне. Язык в лучшем случае представляет эту власть, проявляет и символизирует ее» [Bourdieu, 1991, p. 109].

Обладает ли говорящий соответствующей социальной властью, или же он является самозванцем? От этого зависит как удачность перформатива, так и его возможность выступать в качестве перформатива или констатиива: «Тайна перформативной магии, таким образом, разрешается в тайне служения (*the mystery of ministry*)... т.е. в алхимии репрезентации (в различных смыслах этого термина), посредством которой представитель создает группу, которая создает его: как спикера (*spokesperson*), наделенного полной властью говорить и действовать от имени группы и, прежде всего, действовать на группу через магию слогана, он является заменой группы, которая существует исключительно через эту доверительное отношение (*procuration*).

Группа создает человека, и он олицетворяет фиктивную личность, которую выводит из состояния простой совокупности отдельных индивидов, позволяя им действовать и говорить через него “как один человек”. И наоборот, он получает право говорить и действовать от имени группы, “принимать себя за” группу, которую он воплощает, отождествлять себя с функцией, которой “он отдает свое тело и душу”, тем самым отдавая биологическое тело конституированному» [Bourdieu, 1991, p. 106].

Подобный подход напоминает вышеприведенное определение политической функции Лассвелла. Не интенции, а властные полномочия, данные или присваиваемые, оказываются определяющим фактором: «Иллокутивная сила выражений не может быть найдена в самих словах, таких как “перформативные”... Только в исключительных случаях (в абстрактных и искусственных ситуациях, созданных экспериментом) символические обмены сводятся к отношениям чистого общения, а информативное содержание сообщения исчерпывает содержание сообщения. Сила слов есть не что иное, как делегированные полномочия спикера (*spokesperson*) и его речь, т.е. субстанция его дискурса» [Bourdieu, 1991, p. 108].

*От теории к политической практике:
вклад Джудит Батлер*

Критики концепции Остина – Сёрля со стороны Бурдьё и Деррида не оказали какого-либо влияния на лингвистику и семиотику, однако именно они дали толчок применению теории перформативности применительно к политическим процессам. В политической теории наибольшую известность получила теория перформативности, развиваемая Джудит Батлер. Она, опираясь на уточнения, сделанные Бурдьё и Деррида, превратила ее из философской теории в инструмент политического активизма. В процессе подобной полемики парадоксальным образом перформативная теория послужила становлению тому, что стало достаточно близким к политической идеологии. Главная идея концепции Остина – возможность посредством вербальных действий изменять мир – могла быть прочитана и как легитимация политического активизма. (Имеет смысл вспомнить ставшие легитимацией политических проектов радикального переустройства общества слова Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир. Но дело заключается в том, чтобы изменить его».) В интерпретации Джудит Батлер, учитывающей точку зрения Деррида и Бурдьё, перформативность стала обоснованием для требования социальных – в первую очередь гендерных – изменений в обществе. Однако в первых работах Батлер акцентируется именно то, что оказывается недостаточным при описании перформатива как изолированного акта – в частности, рассматривая случай сожжения креста перед домом афроамериканцев и последующих взаимопротиворечащих судебных решений, связанных с этим актом. Батлер ставит важный для теории значения вопрос о взаимодействии вербальных и невербальных символов и их переводимости / непереводимости в перформативные или констативные речевые акты. Применительно к рассмотренному случаю Верховный суд штата вынес решение, приравняв символические действия к перформативам-угрозам: «Всякий, кто помещает в государственную или частную собственность символ, объект, название, характеристику или граффити, включая горящий крест или нацистскую свастику, относительно которых есть разумные основания считать, что они вызовут гнев, тревогу или негодование у других, по признаку расы, цвета кожи, вероисповедания, религии или пола, тот проявляет хулиганское поведение и

виновен в неправомерном проступке (*guilty of a misdemeanor*)» [Butler, 1997, p. 52].

Однако далее Верховный суд Соединенных Штатов отменил решение Верховного суда штата, мотивировав это тем, что, во-первых, горящий крест не был примером речевой агрессии (*fighting words*), а «являлся выражением “точки зрения” в рамках “свободного обмена идей” и это защищено первой Поправкой к Конституции США» [Butler, 1997, p. 53]. Судьи федерального уровня предпочли интерпретировать сожжение креста как выражение мнения, т.е. как констатив. По мнению Батлер, такое решение стало возможным за счет сознательного игнорирования как контекста, так и прецедентных ситуаций: «То, что крест горит и таким образом представляет собой разрушение, не рассматривается как признак намерения воспроизвести это зажигательное разрушение на месте дома или семьи. Историческая корреляция между сожжением крестов и указанием на общину, семью или отдельное лицо для совершения дальнейшего насилия также игнорируется. Какая часть этого сожжения может быть переведена в декларативное или констативное предложение? И как точно узнать, какое констативное утверждение делается посредством горящего креста? Если крест является выражением точки зрения, является ли это заявлением, например: “Я придерживаюсь мнения, что чернокожие не должны жить в этом районе” или даже “Я считаю, что насилие должно быть совершено против чернокожих”, или это перформативный перформатив, как в императивах и командах, которые принимают форму “Поджигай!” или “Умри!”?» [Butler, 1997, p. 57].

Тем самым, казалось бы, теоретический вопрос о трансформируемости констативов в перформативы может стать злободневной политической и юридической проблемой. Именно учет исторической перспективы, предыдущих контекстов и интерпретаций (что никак не учитывается в оригинальной теории Остина) позволяет трактовать описываемый акт как прямую угрозу: «Является ли это предписанием, которое действует метонимически не только в том смысле, что огонь напоминает о предыдущих сожжениях, которые служили для обозначения чернокожих людей в качестве целей для насилия, но и в том смысле, что огонь понимается как переносимый с креста на цель, отмеченную крестом? Связь между сожжением крестов и поджогами как людей, так и имущества

исторически установлена. С этой точки зрения горящий крест приобретает статус прямого обращения и угрозы и как таковой толкуется либо как начальный момент вредоносного действия, либо как заявление о намерении его совершить» [Butler, 1997, p. 57].

Рассмотрение также и других перформативных акций в свете концепции Бурдьё приводит исследовательницу к следующему выводу: «Для объяснения таких речевых актов язык следует понимать не как статическую и замкнутую систему, высказывания которой функционально заранее закреплены за “социальными позициями”, с которыми они миметически связаны. Сила и значение высказывания не определяются исключительно предыдущими контекстами или “позициями”; высказывание может приобрести силу именно благодаря разрыву с контекстом, который оно выполняет (*performs*). Такие разрывы с предшествующим контекстом или с обычным употреблением имеют решающее значение для политического оперирования перформативом» [Butler, 1997, p. 145].

От речевых актов – к речевым действиям, расширенным перформативам и прагмемам

Корреляция между языковыми и акциональными аспектами перформативов может быть выявлена, если рассматривать перформативность не как единичный акт, а как динамический паттерн соотношения операций смыслопорождения с сопутствующими или последующими им действиями. Безусловно, при этом необходимо разграничивать и разного рода институционализированные и не институционализированные практики (см.: [Marcondes de Souza Filho, 1984, p. 152, 154]). Например, клятва вступающего в должность президента существенно отличается от клятвы жениха и невесты, при этом оба казуса не могут быть объяснены языковыми конвенциями. Тем не менее, принимая во внимание фактические практики, можно дополнить существующие теории новой перспективой, а именно: рассмотреть, каким образом границы между словом и делом, тем не менее, преодолеваются, и сконцентрироваться на том, как в результате взаимодействия разнородных компонентов социальной деятельности возникает *смысл* перформативных актов. (Этот аспект, видимо, в теории Остина принимается как очевидный, почему и его эксплицитное описание отсутствует.)

Между тем понятие смысла поможет гармонизировать различные подходы, так как является той основой, которая обеспечивает конвертируемость вербальных и невербальных механизмов и соотносимость различных модусов коммуникации и интерактивного взаимодействия. Необходимость подобного рассмотрения уже рассматривалась рядом исследователей, ниже мы рассмотрим некоторые версии их реализации в рамках пересмотренной перформативной теории.

Речевые акты и действия (поступки)

В первую очередь следует упомянуть проблему соотношения речевых актов (*speech acts*) и речевых действий (*speech actions*). Хотя термины *акты* и *действия* обычно рассматриваются как синонимы, Остин пришел к необходимости их разграничения. Как предполагает издатель рукописей Остина и эксперт по его архиву Марина Сбиса, в последние годы жизни усилия Остина были сосредоточены на расширении теории речевых актов до теории речевых действий: «Хотя остиновская теория речевого акта (*speech act theory*) не претерпела значительных изменений после 1955 года, между 1955 и 1959 годами он больше работал над теорией действия (*theory of action*). Часто считают, что его теория речевого акта является не более чем неполным наброском, потому что он умер до того, как полноценно разработать ее. Я бы сказала, что в действительности его неполным трудом является теория действия. Ее неполнота косвенно повлияла и на его теорию речевого акта, потому что она должна предполагать некоторый анализ действия» ([Sbisà, 2007, p. 467] ; см. также: [Sbisà 2012; 2013: Doerge, 2013]).

Между тем концепция речевого действия была выдвинута намного раньше Карлом Бюлером. Уже отмечалось, что «наиболее интересным аспектом схемы Бюлера с прагматической точки зрения является категория “речевого действия”» (Daalder, Musolf, 2011, p. 236]. Бюлер рассматривал язык как социальный инструмент (органон), а речь – как социально значимое действие¹.

¹ Оговоримся, что следует учитывать методологическое различие между концепциями Бюлера и Остина: «В Sprachtheorie “речевое действие” (Sprechhandlung) означает конкретный акт вербальной коммуникации, в отличие от “речевого

Задолго до Остина Бюлер указал, как можно действовать словами: «Каждое фразеологическое и нефразеологическое выражение можно интерпретировать как человеческий поступок, ведь каждое конкретное высказывание связано с другими сознательными действиями данного человека. Оно стоит в одном ряду с поступками и само является поступком» [Бюлер, 1993, с. 53]. Напомним, что впоследствии Деррида поднял вопросы цитирования и итерации перформативов, и у Бюлера можно увидеть наметки их решения. Но Бюлер указывает и на то, что в концепции Деррида отсутствует: на изменчивость смысла и его зависимость от обстоятельств. Таковыми речевыми образцами, где наглядно проявляется синтез слова и дела, являются, по мысли Бюлера, крылатые выражения в широком смысле: «Крылатое выражение имеет речевой характер независимо от того, является ли оно вокабулой, предложением, идиомой или пословицей» [Бюлер, 1993, с. 53].)

Как пример высказывания-поступка (или высказывания-действия) К. Бюлер приводит крылатое выражение *Alea jacta est* (*Жребий брошен*). Используя его, говорящий отождествляет ситуацию, в которой он находится, с той, в которой некогда находился Цезарь. Это влечет ряд коннотаций (надежда на успешный исход, как в случае Цезаря, сравнение его повседневной ситуации с событием мировой истории, представление себя в роли Цезаря и т.д.). Бюлер отмечает следующее: «Я не знаю, действительно ли Цезарь сказал однажды *Alea jacta est...* Плутарх рассказывает об остановке Цезаря у реки Рубикон и внутреннем колебании полководца. Далее цитирую: “Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен ‘Пусть будет брошен жребий!’ – и двинулся к переходу”. Таким образом, Цезарь не проявил изобретательности, он употребил “обычный призыв”, который с тех пор ассоциируется у всех латинистов со смелостью Цезаря» [Бюлер, 1993, с. 52].

акта” (Sprechakt) – последний термин обозначает “виртуальное” смысловое намерение говорящего, понятие, которое Бюлер перенял из теории Гуссерля о “чувственных актах”. Эта проблема должна быть принята во внимание при оценке использования Бюлером “прагматических” понятий, таких как речевое действие, симпрактическое поле и вербальный обмен – было бы анахронизмом приравнивать их, например, к постстоиновским формулировкам “теории речевого акта” [Musolf, 1999, p. 9–10].

Используя выражение «Жребий брошен!», Цезарь повторил слова Плавта, однако семантика этого выражения связывается не с матримониальными переживаниями персонажей Менандра и Плавта, а с походом Цезаря на Рим. Можно выделить следующие уровни значения:

а) интертекстуальный. Для Цезаря это была идентификация с героями Плавта и их высказываниями, а после Цезаря – с самим Цезарем и заданной им моделью поведения в драматической ситуации;

б) прецедентный. Повторяя за Цезарем и другими данное высказывание, говорящий тем самым квалифицирует его как имеющее прецедент, что и актуализируется в данном речевом акте;

в) интенциональный. Это – контекстно-независимое значение этого выражения, которое соотнесено с Цезарем и застывшей семантикой именно того, что было сказано им при переходе через Рубикон. Это значение можно назвать «вечным» в смысле «вечных предложений» У. Куайна – это предложения с фиксированными контекстными координатами [Quine, 1960, p. 200];

г) фразеологический (внутрисистемный). Высказывание может быть проинтерпретировано независимо от предыдущих, посредством независимого от контекста набора перифраз (например: «сделать решительный выбор в ситуации с неясным исходом», «или пан, или пропал», «или грудь в крестах, или голова в кустах»);

д) референциальный. В конкретной ситуации говорящий таким образом обозначает свое намерение совершить некоторый поступок, и именно это и явится значением – референтом данного высказывания в данной ситуации (например: жениться, подать в отставку, уехать и т.п.);

е) перформативный. Посредством высказывания говорящий и обозначает, и совершает определенное действие, одновременно интерпретируя его смысл;

ж) экспрессивный. Это артикулирование позиции говорящего, его оценки ситуации, декларирование претензий и намерений, что можно считать манифестацией выделенной Бюлером экспрессивной функции как установки на говорящего.

Приводимый Бюлером пример показывает, что успешность перформатива предполагает его понимание, т.е. экспликацию различных смысловых конституентов и способность соотнести их между собой.

Идея Бюлера рассматривать речевые акты в одном ряду с поступками и как поступок в его время осталась незамеченной, самим Бюлером она также не была развита. Близкая к ней концепция была возрождена уже в иной философской парадигме – как возможное расширение теории Остина. Хотя и без ссылок на Бюлера, но исходя из примерно тех же предпосылок, Сбиса и Тернер внесли существенные уточнения относительно того, как понимать соотношение между речевыми актами и действиями: «Если речевые акты рассматриваются как действия, а действия рассматриваются как приводящие к изменениям внутри ситуации, то первой задачей исследования является описание видов изменений, которые вызваны или могут быть вызваны их отношением к языковым и культурным практикам и рутинным процедурам, а также динамики взаимодействия, благодаря которой достигается опознавание перформанса (*recognition of the performance*) как действия определенного типа» [Sbisà, Turner, 2013, p. 5].

Такой подход подразумевает, что анализ изолированных высказываний уступает место описанию дискурсов, дискурсивных практик и социокультурных институтов в их взаимосвязях с языковыми сущностями: «Если то, что делается посредством слов, относится не к изолированным высказываниям, а берется как возникающее из их контекстуализации в диалогических последовательностях или в последовательностях интерактивных ходов (*sequences of interactional moves*) – как вербальных, так и невербальных, – то исследование выдвигает на первый план структуру последовательностей и описывает то, что происходит с высказыванием, как ту роль, которую оно играет в той последовательности, в которой оно появляется.

Если то, что делается посредством слов, делается в рамках текстовых, дискурсивных или диалогических структур или какой-либо социальной или культурной организации, исследование выявляет соответствующие структуры и формы организации и то, как язык адаптируется к ним или дополняет их» [Sbisà, Turner 2013, p. 5].

Согласно авторам, действия (*actions*) не ограничиваются отдельными актами, а состоят из их последовательности. Тип действия зависит от намерения говорящего и реакций слушателя, что подлежит обсуждению и реконструированию собеседниками: «Другими словами, исследование речевых действий означает полное рассмотрение факторов, будь то психологические, культурные

или социальные, которые ограничивают и обуславливают выполнение речевых актов» [Nguyen, 2016, p. 118].

*От перформативного высказывания
к событию-перформативу*

Вышеописанные подходы позволяют увидеть, что любое высказывание при определенных условиях может стать описывающим самого себя действием и тем самым функционировать как перформатив. При этом оно всегда обрамлено предшествующими и последующими контекстами, и в этой последовательности обретает смысл. Необходимость всестороннего рассмотрения речевых актов особенно очевидна при описании политических процессов, поэтому логично, что именно в политологии была предложена концепция, достаточно близкая к идее речевого действия как последовательности актов, или, в терминологии ее автора, Михаила Ильина, *расширенного перформатива*. Тем самым на примере политических процессов было продемонстрировано, каким образом манифестируется последовательность актов и организующая ее смысловая структура: «В политической и, шире, жизненной практике перформативы, как правило, динамично разворачиваются, как в разных фактурах или модальностях речи (звуковой, визуальной, тактильной, мотильной и т.п.), так и во времени... Как связать разные слои и масштабы перформативов, сохранив их своеобразие? За счет последовательного различения базовых разновидностей перформатива. Это перформативное высказывание (*performative utterance*), перформативный акт (*performative act*), перформативное событие (*performative event*)... Они связаны и перетекают друг в друга» [Ильин, 2016, с. 267–268].

На примере событий, связанных с провозглашением независимости США, Михаил Ильин продемонстрировал, что изменение сферы применения перформативов меняет и характер их функционирования: «Переход от момента принятия текста американской Декларации независимости 4 июля 1776 г. к расширенному политическому акту, охватившему период от мая до конца августа 1776 г., не привел еще к осуществлению независимости 13 колоний и превращению их в суверенные Соединенные Штаты... Независимость была обретаена с завершением войны и заключением мира с Британией. Такой

масштабный перформатив, равновеликий событию, становится перформативным событием» [Ильин, 2016, с. 268].

Возвращаясь от политологии к философии языка, заметим, что подобный подход предполагает опору на результирующее значение, которое может быть определено только применительно к перформативному действию (или расширенному перформативу) в целом. Не конвенции и интенции [Strawson, 1964 ; McKinney, Harris, 2021], а достигнутый результат или его отсутствие определяют успешность, в том числе и первоначальных перформативных актов и высказываний, и это придает им то значение, которое они могли и не иметь в момент их первичной актуализации¹. Например, та же Декларация независимости интерпретировалась бы совершенно иначе, если бы рассматривалась вне контекста финального перформативного акта – мирного соглашения с Британией. Аналогично и статус агентивности перформативного высказывания в этом случае определяется ретроспективно – на момент осуществления перформативного акта коллективный говорящий (принявшие Декларацию делегаты) еще не имел тех полномочий, которыми был наделен позднее в качестве отцов-основателей нации, которая была создана благодаря именно этому акту. Как видим, прагматика отдельных перформативных актов не может быть определена исключительно на основе первоначальных интенций и конвенций – они лишь один из компонентов сложной прагматической целостности: акта, действия, события.

¹ Уместно воспроизвести интерпретацию этого акта Джоном Сёрлем: отцы-основатели действовали так, как если бы обладали позволяющим это статусом, т.е. вначале они действовали как самозванцы: «Один из способов создания институциональных фактов в ситуациях, когда институт не существует, заключается в том, чтобы просто действовать так, как если бы он существовал. Классическим случаем является Декларация независимости 1776 года. Не существовало институциональной структуры, в которой формы X считалась бы Y в контексте C, в соответствии с которой группа подданных короля в колонии Британской короны могла бы создать свою независимость посредством перформативного речевого акта. Но отцы-основатели действовали так, как будто их встреча в Филадельфии была контекстом C, так что, выполняя определенный декларативный акт речи X, они создали институциональный факт независимости Y» [Searle, 1995, p. 118]. Тем самым Сёрль допускает, что «несерьезный речевой акт», в смысле Остина, также может быть успешным перформативом.

Перформативы и прагмемы

Другим возможным направлением дополнения теории речевых актов путем их соотнесения с действиями стало введение понятия прагмемы. Его можно рассматривать как аналог концепции расширенного перформатива, но уже на уровне конвенциональных социальных действий. Расширенные перформативы характеризуют масштабные политические события и могут быть отнесены к макроуровню социального взаимодействия, тогда как прагмемы относятся, скорее, к его микроуровню. Джекоб Мей, автор этого термина, говорил: «Речевые акты, чтобы быть эффективными, должны быть привязаны к ситуации (*situated*). То есть, они и опираются на ситуацию, и активно создают ситуацию, в которой они реализуются»¹ [Meu, 2001, p. 219]. При этом прагмемы ориентированы на взаимодействие контекста и поведения собеседника, поэтому они эксплицируют значение косвенных речевых актов и могут иметь мало общего с буквальным толкованием лексико-семантических конструкций [Meu, 2001, p. 219]. Очевидно, что понятие прагмемы может быть расширено и может быть транспонировано с микроуровня диалога на макроуровень социального взаимодействия. Эта концепция представляется многообещающей также в отношении политического дискурса, поскольку она стремится учесть то, каким образом происходит изменение мира посредством вербальных и невербальных действий. Поэтому вместо стандартных ритуализированных форм, как в случае с эксплицитными перформативами Остина, посредством прагмем исследователи стремятся описать динамические процессы, изменяющие контекст: «Прагмема есть речевой акт – это высказывание, цель которого – вызывать эффекты, которые изменяют ситуацию и изменяют роли участников в ней или вызывают другие виды воздействия, такие как обмен / оценка информации, производство социального комфорта (*gratification*) или, напротив, прав / обязанностей и социальных связей» [Carone, 2005, p. 1357].

Проведенная Алесандро Капоне дальнейшая экспликация позволяет выделить гибридную семантику, возникающую как динамическую суперпозицию гетерогенных составляющих:

¹ На возможное совмещение концепций Мей и Остина было указано в [Oishi, 2016]; см. также: [Allan, 2010 ; 2019].

«Прагмема – это привязанный к ситуации речевой акт [Meu, 2001, p. 94], в котором как правила языка, так и правила социума воздействуют на определение смысла, предполагаемого как социально признанный (*recognized*) объект, чувствительного к социальным ожиданиям относительно ситуации, в которую встроено (*embedded*) подлежащее интерпретации высказывание. Прагмема требует трех типов встраивания: встраивание высказывания в контекст использования с целью определения референциальных якорей, которые завершают сигнификацию высказывания; встраивание в правила, которые систематически преобразуют то, что говорится в контексте, в то, что в нем подразумевается; встраивание в ко-текст (*cotext*), признаки которого переносятся на высказывание путем устранения семантической или иной интерпретируемой неоднозначности и дальнейшего обогащения диапазона его интерпретаций, делая их более конкретными» ([Carone, 2009, p. 1019]; см. также: [Carone, 2018]).

Перформативность и политический дискурс

Рассмотренные выше дополнения и уточнения применимы ко всем дискурсивным практикам. Однако наиболее востребованы они оказываются применительно к политическому дискурсу. В то же время многие характеристики политического дискурса, рассматриваемые в свете теории вербального действия, или расширенного перформатива, получают новый смысл. Понятие перформативного действия / события может прояснить особенности политического дискурса; это речь в действии, а в некоторых случаях даже речь-как-социальное-действие, в ряде случаев и наказуемое¹. Таким образом, такое поведение не является ни общением, ни описанием какого-то положения дел, а является прежде всего толчком к переходу от

¹ Ср.: «Оскорбление словом, обида, клевета считаются более или менее равносильными оскорблению действием; за них полагается ответственность, дальнейшим последствием которой может быть наказание. Воззрение на Язык как на действие сказывается, между прочим, в следующих русских поговорках: “Не ножа бойся, а языка”, “от одного слова да на век ссора”, “бритва скребет, а слово режет”, “слово пуше стрелы разит”, “за худые слова слетит и голова”, “слово слову рознь: словом Господь мир создал, словом Иуда предал Господа” и т.п. Можно также вспомнить “Государево слово и дело” в московском государстве» [Бодуэн де Куртэнэ, 1904, с. 536].

одного положения дел к другому. Когда язык используется в политических целях – в отличие от его референтного использования – основным семантическим критерием высказывания является не истинностное значение (его соответствие реальности, истинность или ложность), а его успешность, уместность и последующая эффективность¹. Независимо от его формы, высказывание может быть сведено к прямому или косвенному перформативу. Производство самого высказывания является действием, специфической моделью поведения, которая реализуется и описывается через речь. Оценка высказывания может относиться уже не к его содержанию, а трансформироваться в оценку высказывания-как-действия, т.е. предметом оценки становится не столько соответствие высказывания действительности, сколько соответствие действия принятым нормам и целям. Политический дискурс не может быть исчерпан описанием того, что «сказано»; он должен учитывать, как это и предполагается в модели коммуникации Лассуэлла: *Кто – Говорит – Что – В каком канале – Кому – С каким эффектом?* [Lasswell, 1948, p. 47].

Таким образом, характеристики дискурса как политического определяются его прагматическими характеристиками функционирования как перформатив, а не наоборот (ср.: [Leezenberg, 2013]). Перформативное использование наделяет некий дискурс перформативностью, что может быть формализовано с помощью соответствующих эксплицитных маркеров. Однако такая формализация не является обязательной. Будучи императивом по своему назначению, политический дискурс тем не менее обычно избегает грамматической формы повелительного наклонения; побуждающие высказывания маскируются либо под нейтральное описание в индикативе, либо под модальные альтернативы в сослагательном наклонении [Золян, 2016; Zolyan, 2015]. В отличие от «чистых» перформативов, политические решения и действия, даже если они стереотипны, по большей части не могут быть сведены к формальным процедурам и ситуациям. Можно говорить о прецедентах,

¹ Ср.: «Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость “политически правильных” действий и / или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (т.е. не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. Поэтому эффективность политического дискурса можно определить относительно этой цели» [Демьянков, 2002, с. 38].

альтернативах, стратегиях поведения, но не о жестко прописанных алгоритмах (подробнее: [Золян, 2018 а, б; а]).

Как видим, смысл политического дискурса не ограничивается смыслом произнесенных слов, а определяется последствиями совершенного действия, будь оно вербализовано или нет. Это также верно для тех высказываний, которые формально не являются эксплицитными (*чистыми*) перформативами.

Обобщая рассмотрение понятий речевого действия (Сбиса, Тернер), расширенного перформатива (М. Ильин) и прагмемы (Мей, Капоне), заметим, что они создают возможность для того, чтобы:

1. Выводить понятие перформативности из-под жестких языковых, преимущественно сентенциальных, форм его манифестации, и распространить его на действия и события (например «Взятие Бастилии», «Бостонское чаепитие» и др.), которые тем самым приобретают символическое значение. Эти интегральные значения рекурсивно и ретроспективно трансформируют изначальное значение входящих в нее компонентов (исходных актов, высказываний). Тем самым процесс семиозиса будет описываться не только как композиция задаваемых языком лексических единиц (локуция) и производное от интенций говорящих и слушающих (иллокуция и перлокуция), а как коллективное сотворение значений, возникающих в результате целенаправленной intersubjective деятельности по «приспособлению мира к словам» (используя емкую формулировку Джона Сёрля, позаимствованную им у Элизабет Энскомб (Anscombe)).

2. Наметить критерии различения перформативных высказываний, перформативных событий и перформативных действий. Их взаимодействие вкупе с ответными речевыми актами создает сложные конфигурации перформативов, различных по характеру и сфере действия. Как синхронно, так и одновременно происходит текстуализация и нарративизация политического процесса-перформатива и его репрезентация в форме мультимодального текста-дискурса. На его основе возможны как интерпретации и реинтерпретации предыдущих, так и порождение новых казуально-перформативных структур – и вербальных, и поведенческих. Особое внимание должно быть уделено взаимодействию в социальном пространстве конкурирующих и дополняющих друг друга перформативных комплексов. В политических процессах перформативы переплетены с иными речевыми актами. Перформативы и

нарративы – существенная часть как самих политических событий, так и их репрезентации, прогнозирования и т.п.

Как объединить слова с делами

Ранее было отмечено, что в концепции Остина понятие смысла перформатива принимается как нечто очевидное – поэтому у него не возникает вопроса о том, почему одни глаголы трактуются как обещания, а другие – как угроза и т.п. Это касается не только обоснования предложенной Остином классификации. При рассмотрении теории речевого акта возникает противоречие между понятием смысла как отношения между означающим и означаемым, с одной стороны, и смысла как причинно-следственной связи между различными состояниями или событиями – с другой. Их можно приравнять только при рассмотрении простейших индексных корреляций (например причиной пожара является дым, что можно интерпретировать как связь между знаком и значением). Однако, несмотря на такую неоднородность, понятия смысла в семиотических и социальных системах могут быть скоррелированы, как это предлагается в социальной семиотике. Поскольку нами уже была предпринята попытка уяснить этот вопрос [Золян, 2018 с.], здесь ограничимся изложением основных выводов. Предложенная Максом Вебером трактовка смысла социального действия¹ может послужить основой трансдисциплинарного симбиоза вокруг изучения проблемы смыслов и их манифестации. Различие будет касаться аспектов изучаемого явления. Предмет социологии – изучение непосредственно внешней системы «конституирования смыслов» (если принять, что «общество есть система конституирования смыслов» [Luhman, 2012, p. 21], тогда как изучение самих

¹ «Социология <...> есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие. “Действием” мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. “Социальным” мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [Вебер, 1990, с. 602–603].

смыслов и механизмов конструирования станет уделом лингвистической семантики, семиотики культуры и социальной семиотики [Zolyan, 2019]).

Крайне важным считаем то положение, что, по Веберу, в объяснении поведения смысл предшествует действию – нечто становится социальным действием только потому, что с ним связывается определенный смысл. Как видим, первичным оказывается не нечто наблюдаемое (действие), а смысл, который с ним связывают действующие индивиды. При этом данный смысл, по Веберу, обусловлен *мотивом* – некоторым смысловым единством, что, очевидно, также должно быть рассмотрено как смысл, но более высокого уровня – как смысл-комплекс, объединяющий отдельные ситуации на основе некоторой смысловой связи.

В то же время социально-семиотический взгляд на язык «как социальную семиотику, в которой общество описывает себя и свои конститутивные значения» [Halliday, 1978, p. 2], позволяет связать основные идеи интерпретативной (и системной) социологии с лингвистическим подходом к социальному смыслу. Эти разнородные типы смыслов могут быть конвертированы посредством нарративов, описывающих пропозициональное содержание речевых актов. Перформативное действие должно быть формализовано в некотором тексте. То же и относительно социального события – оно является не только действием, но и текстом, в котором данное событие социализируется и интерпретируется. Именно в тексте, как пронизательно заметил Майкл Хэллидей, происходит динамический синтез действий и смыслов: «По своему общему значению текст является социологическим событием, семиотическим перекрестком, где происходит обмен конституирующими социальную систему значениями» [Halliday 1978, p. 141].

Функциональная разнородность языковых значений обеспечивает возможность синтеза: одни и те же лексические средства задают паттерны поведения (рамки, прагмемы) и в то же время описывают их конкретные проявления. Так, например, обещание – это определенный поведенческий каркас, а также речевой акт и конкретное действие. Наименование того или иного действия (например, «обещать») – т.е., ответ на вопрос «что ты сейчас делаешь?» – оказывается одновременно его (прото)типичной характеристикой. Эта разнородность тем не менее оказывается генерализована благодаря системным семиотическим отношениям (синонимия,

омонимия / многозначность, метафорические и метонимические уподобления и т.п.). Это обеспечивает взаимосвязь различных процессов автореферентного порождения смысла, в том числе символических (сигнификативных) и перформативных: «Понятие символической генерализации автореферентии смысла заменяет понятие знака, которое до сих пор доминировало в теоретической традиции. Нельзя отрицать, что слова (как и вещи) могут использоваться как знаки, как референция к тому, что существует независимо от языка. Но сам язык не может быть понят как простое сцепление знаков, потому что его функция заключается не только в том, чтобы отсылать к тому, что дано. Его истинная функция заключается в генерализации смысла посредством символов, которые не только обозначают нечто иное, но и сами по себе являются тем, что они исполняют (*are themselves what they perform*)» [Luhmann, 1995, p. 94].

Можно продолжить (и это соответствует логике системной теории Лумана) – сигнификативность и перформативность становятся плавильными формами, в которых проявляется автореферентная функция символических объектов. На примере перформативных актов можно продемонстрировать, что перформативность требует некоторого нарратива, в котором должно быть изложено видение коммуникантами их целей и намерений. Их оценка ситуации представляет собой некий текст, описывающий как прошлое событие, так и его возможные последствия для будущего, что и создает определенную причинно-следственную связь. Это может создавать уже новое дополнительное смысловое и акциональное измерение, которое может быть независимым от изначальных намерений и интерпретаций участников и определяться уже в рамках расширенного перформатива или перформативного события. Тем самым можно конкретизировать разнородные значения и выделить как минимум четыре типа, основанных на: 1) лингвистических правилах; 2) социальных конценциях; 3) интенциях интерлокаторов; и 4) причинно-следственных связях между актами и действиями внутри перформативного события.

Возникает целостная прогрессия: перформативный акт (высказывание) – перформативное действие – перформативное событие, последнее может быть репрезентировано уже как текст. Компоненты этой прогрессии расширяют сферу семантики языковых единиц, а их интерпретация требует расширения контекста. Значе-

ние, которое агент перформатива субъективно предполагает в той или иной ситуации, заменяется теми значениями, которые объективно (на основе некоторого приемлемого режима чтения и интерпретационных стратегий) могут быть выведены из описания данной ситуации. Но эта объективность, в свою очередь, носит косвенный характер – в зависимости от того, как и с помощью каких языковых инструментов она описывается. Даже если в самом действии не было смысла, оно приобретает его в процессе интерпретации. Поведенческую структуру можно понимать так, как это было сделано выдающимся социологом Эрвином Гоффманом применительно к фреймам – это «рамки понимания, доступные в нашем обществе для осмысления событий» [Goffman, 1974, p. 10]. Таким образом, становится ясно, на каких основаниях могут сочетаться вышеперечисленные понимания: как причинно-следственная интерпретация Вебера, так и лингвистическая или семиотическая. Символическая репрезентация заменяет первичную акциональную модель; затем символические объекты каузируют прямые действия, или же наоборот. Та или иная текстуализация действий или событий обязательна для их понимания; оно устанавливает причинно-следственные связи между текстовыми сегментами и, следовательно, привносит смысловые отношения в последовательность. Действия и события трансформируются в фиксированные последовательности знаков в вербальной или мультимодальной форме (тексты, записи, воспоминания, и т.п.) или же консервируются как их иконическое воспроизведение (рисунки на скалах, узелки, фотографии, видеофильмы, мысленные представления).

Семантика перформативов выступает как динамическое контекстно-зависимое значение, включающее лингвистические, социальные, когнитивные и референтные факторы. Для его описания потребуются модели так называемой гибридной семантики, позволяющие моделировать то, как *язык может одновременно выполнять, выражать и описывать* [Kaplan, 1999, p. 6]; примеры подобных описаний применительно к перформативам-экспрессивам см. в: [Potts, 2005; Gutzman, 2015 ; Zolyan, 2021].

Как мы попытались продемонстрировать, взаимосвязь между смыслом и действием является общей характеристикой целеполагающего поведения. Политическая коммуникация и дискурс, вероятно, являются наиболее очевидными областями такого слияния. Их можно рассматривать и в рамках политических процессов – и

тогда инструментом их реализации оказываются языковые структуры. Но возможен и обратный взгляд – политическая коммуникация есть лишь одна из языковых игр (в смысле Л. Витгенштейна): это такое использование языка, которое ориентировано на приспособление мира к словам посредством производства институционализированных речевых актов. Учитывая то, что в политической коммуникации все акторы и тексты становятся подверженными семиотической институционализации в смысле Сёрля [Searle, 1995; 2008], оба подхода предполагают, что речевой акт может изменить мир; обретшие социальную институционализацию субъекты / собеседники наделяются соответствующими полномочиями приспособить мир к высказанному им. Поэтому теоретически любой речевой акт можно считать моделью политического поведения (ср.: [Dijk, 1997]); различия будут касаться скорее степени институционализации, нежели собственно лингвистических характеристик. Этим уже на базисном уровне проявляется глубинная взаимозависимость между политическим и перформативным.

S.T. Zolyan*
Words and deeds: performatives
in political practices and discourses¹

Abstract. The publication of Austin's lectures was one of the critical events for both philosophy of language and theoretical linguistics of the second half of the twentieth century. After the systematization made by John Searle, the theory of speech acts and performatives has acquired a much more rigorous form in terms of its linguistic design, but by ignoring a number of extralinguistic factors determining communicative behavior. The author offers an alternative reading of Austin's work in order to highlight all those clarifications and reservations that have remained beyond the boundaries of Searle's interpretation. Such a reading of the lectures and the synopsis of these reservations make it possible to construct another version, where the provisions considered, but not developed by Austin, might be its cornerstones. Instead of further purification, the theory may be saturated by consideration of phenomena that Austin treated as «non-pure», «non-direct» and «parasitic».

* **Zolyan Suren**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), e-mail: surenzolyan@gmail.com

¹ The research is supported by the Russian Science Foundation, project № 22-18-00591 «Pragmasemantics as an interface and operational system for meaning production» at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

The above-mentioned aspects have become particularly noticeable with regard to descriptions of political and social practices. The standard theory of performatives describes some specifically emphasized «emasculated» situations (e.g., speech etiquette or formulas of politeness, etc.), but it has proven ineffective beyond the descriptions of standardized situations (Searle). Another direction was the emphasis on aspects that could transform the theory of performatives into a theory of social action. (Derrida, Bourdieu, Butler).

In the last decade, a range of conceptions considering the possibility of transcending from speech acts to actions and situations (Sbisà, Turner, May, Capone, Ilyin) have emerged. Considering these approaches, we also propose to supplement the theory of performatives with the notion of meaning and meaningful action. This allows for the convertibility of verbal and non-verbal mechanisms and the correlation of different modes of communication and social interaction.

Keywords: performatives; J. Austin; speech acts; political discourse; context; hybrid semantics.

For citation: Zolyan S.T. Words and deeds: performatives in political practices and discourses. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 97–131. DOI: <https://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.05>

References

- Allan K. Referring as a pragmatic act. *Journal of pragmatics*. 2010, Vol. 42, N 11, P. 2919–2931. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.06.017>
- Allan K. Pragmemes. In: J.-O. Östman, J. Verschueren (eds). *Handbook of Pragmatics: 22 nd Annual Installment*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019, P. 199–202. DOI: <https://doi.org/10.1075/hop.22.pra7>
- Austin J. How to do things with words? Translation from English. In: *Austin J. Selected works*. Moscow: Idea-Press, House of Intellectual Books, 1999, P. 13–135. (In Russ.)
- Baudouin de Courtenay I.A. Language and languages. In: *Encyclopedic Dictionary*. Saint. Petersburg: Brockhaus and Efron Publishing House, 1904, Vol. 81, P. 528–549. (In Russ.)
- Benveniste E. Delocutive verbs. In: *Benveniste, Emil general linguistics*. Moscow: Progress, 1974, P. 320–330. (In Russ.)
- Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity press, 1991, 302 p.
- Buhler K. *Theory of language. The representative function of language*. Moscow: Progress, 1993, 502 p. (In Russ.)
- Butler J. *Excitable Speech A Politics of the Performative*. New York, London: Routledge, 1997, 200 p.
- Capone A. Pragmemes (a study with reference to English and Italian). *Journal of pragmatics*. 2005, N 37, P. 1355–1371.
- Capone A. Speech Acts, Literal and Nonliteral. In: Mey J.L. (ed.). *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. Oxford: Elsevier Ltd. 2009, 2-nd ed., P. 1018–1020.
- Capone A. Pragmemes (again). *Lingua*. 2018, Vol. 209, P. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2018.04.004>

- Daalder S., Musolff, A. Foundations of pragmatics in functional linguistics. In: Bublitz W., Norrick N. (eds). *Foundations of pragmatics*. Berlin, New York: W. de Gruyter, 2011, P. 229–260.
- Demyankov V.Z. Political discourse as a subject of political science philology. *Political science (RU)*. 2002, N 3, P. 32–43. (In Russ.)
- Derrida J. Signature. Event. Context. In: Derrida J. *Limited Inc*. Evanston: Northwestern university press, 1988, P. 1–25.
- Dijk Van T. What is political discourse analysis? In: Blommaert J., Bulcaen Ch. (eds). *Political Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1997, P. 11–52.
- Doerge F. Ch. Performative utterances. In: Sbisà M., Turner K. (eds). *Pragmatics of speech actions*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, P. 203–234.
- Goffman E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Cambridge, Mass.: Harvard university press, 1974, 586 p.
- Gutzmann D. *Use-conditional meaning: Studies in multidimensional semantics*. (Oxford Studies in Semantics and Pragmatics 6). Oxford: Oxford university press, 2015, 322 p.
- Halliday M.A.K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. Baltimore: University Park Press, 1978, 256 p.
- Ilyin M.V. What can analysis of performatives reveal? *Political science (RU)*. 2016, N 4, P. 262–270. (In Russ.)
- Kaplan D. *The Meaning of Ouch and Oops. Explorations in the theory of Meaning as Use*. Los Angeles: University of California, 1999, 29 p.
- Lasswell H.D. The structure and function of communication in society. In: Bryson L. (ed.). *The communication of ideas*. New York: Harper and Row, 1948, P. 37–51.
- Lasswell G. The Language of Power. *Poltisheskaya Linguistika*. 2006, N 20, P. 264–279. (In Russ.)
- Leezenberg M. Power in speech actions. In: Sbisà M., Turner K. (eds). *Pragmatics of Speech Actions*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, P. 287–312.
- Luhmann N. *Social Systems*. Stanford: Stanford university press, 1995, 627 p.
- Luhmann N. *Theory of Society*. Vol. 1. Stanford: Stanford university press, 2012, 488 p.
- Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages. In: Ogden C.K., Richards A.I. *The meaning of meaning*. London: Kegan Paul, Supplement I, 1923, P. 296–336.
- Marcondes de Souza Filho, D. *Language and action A Reassessment of Speech Act Theory*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1984, 175 p.
- Mckinney R., Harris D. Speech Act Theory: Social and Political Applications. In: Khoo J., Sterken R.K. (eds). *The Routledge Handbook of Social and Political Philosophy of Language*. Routledge, 2021, P. 70–90.
- Mey J.L. *Pragmatics: An introduction (2 nd ed.)*. Oxford: Blackwell, 2001, 300 p.
- Musolf A., Bühler K., Verschueren J. et al. (eds). *Handbook of Pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1999, 297 p.
- Nguyen D.T. Book review: Marina Sbisà and Ken Turner (eds). *Pragmatics of Speech Actions. Discourse & Society*. 2016, Vol. 27, N 1, P. 118–119. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926515614211>
- Quine W.V. *Words and objects*. Cambridge, etc.: MIT, 1960, 294 p.

- Oishi E. Austin's Speech Acts and Mey's Pragmemes. In: Allan K., Capone A., Kecskes I. (eds). *Pragmemes and Theories of Language Use. Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology*. Cham: Springer, 2016. P. 335–350 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-43491-9_18
- Potts Ch. *The logic of conventional implicatures (Oxford Studies in Theoretical Linguistics)*. Oxford: Oxford University Press, 2005, 249 p.
- Sbisà M. How to Read Austin. *Pragmatics*. 2007, Vol. 17, N 3, P. 461–473.
- Sbisà M. Austin on meaning and use. *Lodz Papers in Pragmatics*. 2012, Vol. 8, N 1, P. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.1515/lpp-2012-0002>
- Sbisà M. Locution, illocution, perlocution. In: Sbisà M., Turner K. (eds). *Pragmatics of Speech Actions*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, P. 25–75.
- Sbisà M., Turner K. (eds). *Pragmatics of Speech Actions*, Berlin: De Gruyter-Mouton, 2013, xiii+733 p.
- Searle J.R. *Expression and meaning: Studies in the theory of speech acts*. Cambridge: Cambridge university press, 1979, 197 p.
- Searle J.R. *The Construction of Social Reality*. New York: The Free Press, 1995, 247 p.
- Searle J.R. Language and social ontology. *Theory and Society*. 2008, Vol. 37, N 5, P. 443–459.
- Strawson P. Intention and convention in speech acts. *Philosophical Review*. 1964, Vol. 73, N 4. P. 439–460.
- Weber M. Basic Sociological Concepts. In: *Weber M. Selected works*. Moscow: Progress, 1990, P. 602–643. (In Russ.)
- Zolyan S. Language and political reality: George Orwell reconsidered. *Sign Systems Studies*. 2015, Vol. 43, N 1, P. 131–149. DOI: <https://doi.org/10.12697/SSS.2015.43.1.06>
- Zolyan S.T. Semiotics and pragmasemantics of political discourse. *Political science (RU)*. 2016, N 3, P. 47–75. (In Russ.)
- Zolyan S.T. Language of politics or language in political function? *Politia*. 2018 a, N 3 (90), P. 31–49. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-31-49> (In Russ.)
- Zolyan S.T. On language in political function. In: *Images of language and zigzags of discourse*. Collection of scientific articles dedicated to the 70 th anniversary of V.Z. Demyankov. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, (Cultural Revolution), 2018 a, P. 156–173. (In Russ.)
- Zolyan S.T. On the problem of meaning in social semiotics: Max Weber today. *Slovo.ru: Baltic accent*. 2018 b, Vol. 9, N 4, P. 27–42. DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-4-3>
- Zolyan S. General sociolinguistics, social semiotics and semiotics of culture – ex pluribus unum? Forty years after Language as Social Semiotic. *Sign Systems Studies*. 2019, Vol. 47, N (3/4), P. 400–419. DOI: <https://doi.org/10.12697/SSS.2019.47.3-4.03>
- Zolyan S. On pragma-semantics of expressives: Between words and actions. In: Haselow A., Hancil S. (eds). *Studies at the Grammar-Discourse Interface: Discourse markers and discourse-related grammatical phenomena*. John Benjamins, 2021, P. 245–271. DOI: <https://doi.org/10.1075/slcs.219.09zol>

Литература на русском языке

- Бенвенист Э. Делокутивные глаголы // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 320–330.
- Бодуэн де Куртенэ И.А. Язык и языки // Энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Брокгауза и Эфрона, 1904. – Т. 81. – С. 528–549.
- Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 502 с.
- Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 602–643.
- Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 32–43.
- Золян С.Т. Семиотика и прагматика политического дискурса // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 47–75.
- Золян С.Т. О языке в политической функции // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник статей к 70-летию В.З. Демьянкова. – М.: Культурная революция, 2018 а. – С. 156–173.
- Золян С.Т. Язык политики или язык в политической функции? // Политика. – 2018 6 – № 3 (90). – С. 31–49. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-31-49>
- Золян С.Т. К проблеме смысла в социальной семиотике: Макс Вебер сегодня // Слово. ру: балтийский акцент. – 2018 в. – Т. 9, № 4. – С. 27–42. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-4-3>
- Ильин М.В. Что может дать анализ перформативов? // Политическая наука. – 2016. – № 4. – С. 262–270.
- Лассуэлл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 264–279.
- Остин Д. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Избранное. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 13–135.